

— Кто там?.. — Роджер лениво высунул руку из-под тёплого одеяла, нащупывая мобильный на прикроватной тумбочке. С трудом разомкнув веки, он взгляделся в высветившийся номер и хрипло выругался: — Какого чёрта так рано?! Ах ты паршивец!

Услышав недовольный голос старшего сокурсника, Хань Цзин хотел было извиниться, но из горла вырвался лишь глухой сип — результат бессонной ночи, проведённой в облаке сигаретного дыма.

— Прости, Роджер.

— Ты? Что с твоим голосом? Ты в порядке? Ты в больнице? — мгновенно стряхнув остатки сна, Роджер резко сел в постели.

Гленн, спавший рядом, тоже зашевелился и тихо спросил:

— Роджер, что случилось?

— Всё в порядке, это Хань Цзин звонит. Я выйду поговорить, а ты поспи ещё... — Роджер нежно поцеловал Гленна в лоб, поправил одеяло и на цыпочках вышел из спальни.

— Почему у тебя такой ужасный голос? — спросил Роджер, едва закрыв за собой дверь.

— Всё нормально, просто простудился, — сипло ответил Хань Цзин. — Слушай, у меня к тебе вопрос... Ты когда-нибудь слышал о проклятии Атлантиды?

Роджер опешил:

— Ты ради этого разбудил меня ни свет ни заря и перепугал Гленна?!

— Да, — Хань Цзин запнулся на мгновение. — Для меня это крайне важно. Это связано с тем инцидентом в Атлантиде.

— С инцидентом? — тон Роджера смягчился. — Ты что-то вспомнил? Твоя амнезия?..

— Лишь какие-то смутные образы. Но я ловлю себя на мысли, что постоянно думаю об Атлантиде. Будто над ней действительно висит какое-то проклятие.

Роджер замялся, подбирая слова.

— Твоя интуиция тебя не подводит, Хань Цзин. Но эта информация под грифом «S», я не имею права её разглашать.

— Значит, оно действительно существует? — сердце Хань Цзина болезненно сжалось.

— Пока у нас есть лишь пара зацепок, да и зацепками их назвать трудно, — попытался успокоить его Роджер. — Не забивай себе голову. Атлантида была сверхцивилизацией, а не сборищем диких египетских фараонов, расставлявших проклятия в своих пирамидах. В конце концов, мы их потомки... К тому же, у тебя есть ещё вопросы? Если нет, приезжай к нам на обед.

— Спасибо, пожалуй, откажусь. Я простужен, не хочу заразить Гленна, — мягко уклонился Хань Цзин. — Но у меня есть ещё один вопрос. Помнишь, тогда в Nereus мы говорили о первородном грехе? В Атлантиде считали человеческие желания греховными. Почему?

— Я же говорил тебе: есть глупая теория, основанная на трудах Платона, будто Атлантида погибла из-за собственной алчности и пороков. Но это всего лишь домыслы, не имеющие под собой никакой научной основы.

— Неправда. В дошедших до нас трудах Платона нет ни слова об этом...

— Ты читал Платона?! — удивился Роджер.

— Да так, из любопытства пролистал как-то, — уклончиво ответил Хань Цзин.

— Странно. Раньше тебя интересовала только чистая математика, ты никогда не увлекался гуманитарными науками.

На том конце провода повисло тяжёлое молчание. Роджер понял, что для Хань Цзина этот разговор — не пустая забава. Потеря памяти — штука страшная, и каково сейчас Хань Цзину, он мог только догадываться.

Немного подумав, Роджер решил поделиться тем, что мог:

— Слушай, есть исторические хроники, которые федеральное правительство никогда не предаст огласке. Единственное, что я могу тебе сказать: сейчас на базе пытаются восстановить сильно повреждённую голограмму. В ней то и дело всплывает древний термин, который когда-то встречался в Хрониках падения Вавилона. Там говорится, что Вавилон погиб от страшной эпидемии, разразившейся после волны повального блуда.

— Венерическое заболевание? — после долгой паузы спросил Хань Цзин.

— Да, — вздохнул Роджер. — Больше я ничего не могу добавить. Для меня самого здесь много белых пятен, особенно этот загадочный термин. Возможно, когда откроются Звёздные врата, мы наконец поймём его истинный смысл.

— Звёздные врата... — тихо повторил Хань Цзин, и в его глазах вспыхнула холодная решимость.
— Спасибо тебе, Роджер.

— Береги себя.

Услышав короткие гудки, Роджер недоумённо уставился на экран. Сегодня Хань Цзин показался ему на редкость странным.

— Что случилось? — Гленн с распущенными по плечам длинными волосами стоял в проёме двери.

— Всё нормально. Парнишка заигрался в свои математические дебри, вот и звонит с рассветом, несёт всякую чушь.

— Хань Цзин не из тех, кто говорит глупости, — улыбнулся Гленн. Он попытался отстраниться от обнявших его рук: — Перестань паниковать...

Вдруг Гленн осёкся, нахмурился и инстинктивно прижал ладонь к животу, тяжело оседая.

— Гленн, что?! — испуганно подхватил его Роджер.

Гленн глубоко перевёл дыхание и слабо улыбнулся:

— Малыши разбушевались. Это хороший знак.

— Знаешь что... Когда подойдёт срок, тебе нужно лечь в больницу «Гарнер». Ты же не думаешь всерьёз рожать дома? — Роджер снова попытался завести этот разговор, глядя на упрямство партнёра со смесью нежности и тревоги.

— Я не хочу, чтобы посторонние видели меня... в таком состоянии, — ответил Гленн. Мужская гордость не позволяла ему смириться с мыслью об этой уязвимости. Появиться на публике с огромным животом, неловким и неуклюжим, а потом лежать на родильном столе перед медсёстрами и врачами — для него это было выше сил. Если такие слухи просочатся в прессу, его карьере конец.

Взгляд Гленна стал холодным и жёстким:

— Я не хочу больше это обсуждать. Я сам обо всём позабочусь. Тем более, тебя всё равно вечно нет дома...

Поняв, что Гленн начинает всерьёз раздражаться, Роджер поспешил обнять его, осыпая

поцелуями лицо.

— Любимый, я же просто волнуюсь за тебя. Дома тебе придётся справляться самому, а в клинике тебе могли бы сделать кесарево сечение, чтобы ты не мучился.

— Естественные роды лучше для детей, — смягчился Гленн под его поцелуями. — К тому же, сейчас я на пике популярности. Журналисты и так землю носом роют, вынюхивая сенсации. Нельзя допустить ни единой зацепки. Я уже договорился с доктором Кевином, он тайно приедет и во всём поможет.

— Хорошо. Если состояние позволит, сделаем по-твоему. Но если возникнут хоть малейшие осложнения — мы немедленно едем в больницу «Гарнер», — Роджеру пришлось уступить упрямству Гленна. — Обещаю, в эти дни я буду рядом. Я никуда не уеду и не оставлю тебя одного.

— Ты сможешь взять отпуск? — с сомнением спросил Гленн, крепче сжав ладонь мужа.

— Рапорт уже написан, осталось только дожидаться подписи Мориса, — Роджер обнял его крепче, вспоминая их испорченный медовый месяц. Тогда, из-за срочной экспедиции на Харон, его выдернули со службы на следующий же день после свадьбы, бросив Гленна в одиночестве почти на полгода. Гленн тогда объявил ему холодную войну и даже прислал документы на развод...

«Чёртова служба... — мысленно вздохнул Роджер. — Стоит один раз подписать присягу о неразглашении, и ты больше не принадлежишь себе. У тебя даже нет возможности просто уволиться по собственному желанию»

— Морис? — улыбнулся Гленн. — Он действительно невероятно красив, даже мне сложно с ним соперничать... Не думал, что в вашей секретной конторе служат такие люди. И надо же, он твой непосредственный начальник.

— Пусть он трижды красавец, но для меня он не стоит и кончика твоего волоса. Я люблю тебя, Гленн... — Роджер нежно прижал его к себе, вкладывая в этот поцелуй всю свою нежность и чувство вины перед мужем.

Размякнув в его руках, Гленн послушно опустил обратно на постель.

— Осторожнее, дети... — прошептал Гленн, рассыпав золотые волосы по подушке.

— Я знаю...

Почувствовав обжигающее дыхание у уха, Гленн вздрогнул от привычной сладкой дрожи. Он шутливо-грозно уставился на нависшего над ним мужа.

Роджер тихо усмехнулся:

— Доктор Кевин предупреждал меня, что на поздних сроках ты станешь невероятно чувствительным. Я прав? В последнее время ты буквально весь горишь...

— Роджер! — попытался прикрикнуть Гленн, но его голос сорвался на прерывистый шёпот, полный желания.

— Это нормальные физиологические изменения, чего тут стыдиться?

Роджер склонился к нему, и они растворились друг в друге в мягких лучах утреннего солнца...

Хань Цзин стоял у цветочной клумбы на заднем дворе своего дома. Он курил сигарету за сигаретой, провожая взглядом багровое солнце, медленно тонувшее в дымке вечерних облаков. Ещё один день ушёл безвозвратно. Голова по-прежнему пухла от вопросов, а в мыслях царил хаос из древних мифов и обрывочных воспоминаний.

«Снова воскресенье подходит к концу... — Хань Цзин затаился. — Нужно возвращаться на базу. И там мне неизбежно придётся с ним столкнуться»

«Морис...»

«Судьба словно издевается надо мной, швыряя эту горькую правду в лицо. И всё же моё сердце упрямо продолжает тянуться к нему»

«Неужели это и есть проклятие Атлантиды?» — Хань Цзин горько усмехнулся собственной слабости. Достав очередную сигарету, он смотрел на кроваво-красный закат, всем сердцем не желая возвращаться в сектор ROEDLAS, где когда-то так глупо потерял покой.

Сектор ROEDLAS по-прежнему переливался неоновыми огнями, когда Морис Норман вернулся на Базу № 9. Он ехал в прозрачном панорамном лифте, безразлично глядя на лазурные глубины океана. В душе шевелилось смутное, едва уловимое раздражение, похожее на медленное течение холодной воды.

Золотистые брови слегка сошлись у переносицы, в бездонных голубых глазах промелькнуло мимолётное замешательство, тут же сменившееся привычным ледяным спокойствием. Его взгляд скользнул по коридору, выложенному кристаллами Туаой, который вёл к апартаментам D.

Морис открыл дверь своего номера и замер на пороге. Из глубины комнат на него повеяло непривычной сыростью и прохладой. Внутри царил мрак. Никакого привычного мягкого света, и... не хватало чего-то ещё. Кого-то.

«Нет, это было тёплое, едва уловимое присутствие... — подумал Морис. — Но в доме по-прежнему стояла тишина»

Постояв немного в темноте, он активировал панели управления кристаллами Туаой, и комнаты медленно залил мягкий, ровный свет.

Оглядев пустынную гостиную, Морис почувствовал, как в груди заворочалась глухая, тупая тяжесть. Это непривычное чувство одиночества заставило его осознать, насколько сильно он изменился.

«Какого чёрта со мной происходит?.. — раздражённо подумал Морис. — Я слишком привык к присутствию этого человека»

Он снял строгий военный мундир. Длинные золотые волосы рассыпались по плечам дорогой шёлковой рубашки, пошитой на заказ, едва задевая золотые запонки на манжетах. Налив себе ледяной воды, он вышел на террасу. Завораживающее сияние Базы № 9, раскинувшейся за прозрачным куполом, не приносило покоя. Он пытался подавить странный жар, поднимавшийся изнутри, и это давящее, невыносимое беспокойство.

Кристаллы Туаой на потолке апартаментов послушно сменили режим, погрузив комнаты в глубокий полумрак. Но в доме по-прежнему стояла тишина. Морис резко развернулся, его идеальная осанка выдавала крайнее напряжение, а на красивом лице отразилась едва заметная тень досады.

Смотря в тёмную, безмолвную гостиную, он ощутил тоскливую пустоту в груди. Похоже, он слишком привык к присутствию этого человека. Стоило тому исчезнуть всего на выходные, как привычный внутренний баланс дал трещину.

Морис нахмурился, недовольный собственными мыслями. Он никогда не бегал от проблем и, когда столкнулся лицом к лицу с этим странным томлением, ущемляющим его гордость, заставил себя признать очевидное. Но мысли путались, а сердце предательски замерло, когда в прихожей наконец послышался шорох шагов.

Поколебавшись секунду, Морис шагнул навстречу. Он молча смотрел на вошедшего Хань Цзина, который старательно избегал его взгляда, низко опустив голову. Морис снова нахмурился.

— Ты вернулся? — ровным, отстранённым голосом спросил он.

Хань Цзин внутренне напрягся. Морис впервые заговорил с ним сам, без служебной необходимости. Раньше это привело бы его в восторг, но сейчас на душе было пусто.

— Да, — безучастно бросил он, даже не взглянув на генерала. Сбросив куртку, Хань Цзин достал из кармана пачку сигарет, сел на диван и закурил.

Морис опешил. Он впервые видел такое ледяное равнодушие со стороны Хань Цзина. За всё время их знакомства он привык к его неизменной мягкости и заботе, которые давно стали для него естественными, как воздух.

Они сидели в тишине — один на диване, другой стоя посреди комнаты. Морис словно ждал, что Хань Цзин заговорит первым, но тот молчал, методично выпуская струйки дыма. Когда дым начал неприятно резать глаза, Морис глухо произнёс:

— Ты куришь?

— Когда на душе дерьмово, без этого никак, — Хань Цзин не стал кривить душой. Раздавлив окурок в пепельнице, он наконец прямо посмотрел в глаза Морису: — Раздражает? Тогда я могу уйти и покурить на улице.

Его чёрные глаза смотрели холодно и отчуждённо, в них больше не было той прежней, безграничной нежности.

Лицо Мориса осталось бесстрастной маской, но пальцы, сжимавшие бокал с водой, побелели от напряжения. Он переборол гнев. Будь на месте Хань Цзина тот же Шерман, Морис уже давно развернулся бы и ушёл, но сейчас почему-то остался.

«Почему я терплю это? Из-за этого проклятого жара в теле? Потому что ночью он снова будет мне нужен?.. — Морис судорожно искал рациональное объяснение своему терпению»

Заметив, что Хань Цзин действительно собирается встать и уйти, Морис выдавил из себя:

— Кури здесь. Я пойду в душ.

— Хорошо, — Хань Цзин достал ещё одну сигарету и вернулся на диван. Провожая взглядом его удаляющуюся фигуру, он стиснул зубы от глухой, разрывающей изнутри боли и глубоко затаился.

Стоя под ледяными струями душа, Морис прокручивал в голове события выходных. Всё шло как обычно, без сучка и задоринки. Но этот внезапный вопрос Хань Цзина о его чувствах... Нелепость. И всё же... Почувствовав, как внизу живота снова начинает разгораться глухое пламя, Морис оцепенел. В голову закралась пугающая догадка, но холодный рассудок тут же взял верх. Он не мог, просто не имел права испытывать к этому человеку что-то, кроме

презрения и раздражения к самому себе за минутную слабость. Если между ними и было что-то, то лишь пагубное влияние иллюзии Атлантиды.

«Но он ведь не поверил моим словам. Он любит меня. Этот мужчина действительно в меня влюбился... — подумал Морис»

Накинув халат, Морис вышел из ванной, вытирая мокрые золотые волосы полотенцем. Хань Цзин сидел за столом, уткнувшись в гору математических расчётов.

«Неужели его любовь — тоже лишь побочный эффект Иллюзии Атлантиды? И моё беспокойство — лишь игра воспалённого разума под влиянием Атлантиды? — Морис бросил взгляд на террасу, за которой сгущалась глухая ночь»

— Уже поздно. Ты не собираешься ложиться? — спросил он, подойдя ближе.

— Ты хочешь, чтобы я к тебе прикоснулся? — спросил Хань Цзин, не поднимая глаз от бумаг.

Голос прозвучал настолько безразлично и колко, что эта невидимая игла больно уколола уязвлённую гордость генерала. Лицо Мориса мгновенно обдало смертным холодом, вокруг него закружилась тяжёлая, давящая аура. Но он сдержался, не желая показывать, что Хань Цзин попал в самую цель.

Глядя на его заледеневший силуэт, Хань Цзин горько усмехнулся и затянулся сигаретой:

— Да шучу я, расслабься. Мне нужно закончить эти расчёты, чтобы завтра утром предоставить вам полный отчёт, генерал Морис. Работы много, так что я, скорее всего, просижу здесь всю ночь. Можешь меня не ждать.

«Генерал Морис? — Морис Норман резко вскинул взгляд, и в его груди что-то болезненно, надрывно хрустнуло»

«Я?.. — словно от удара под дых, всё его тело сковало напряжение. Осознав эту внезапную вспышку боли, Морис резко развернулся и молча, не проронив ни слова, скрылся за дверью спальни»

Проводив взглядом его холодную спину, Хань Цзин перестал улыбаться. Опустив голову, он судорожно вздохнул, затушил сигарету и полностью погрузился в бесконечные формулы, пытаясь найти ключ к разгадке Звёздных врат.